

Елена Прудиус

ЭТО УДЕТСТВИТЕЛЬНО

Сказка-повесть
о Небесном Камне и другие истории
о стране детства и ее обитателях

Елена Прудиус
**Это удетствительно. Сказка-
повесть о Небесном Камне
и другие истории о стране
детства и ее обитателях**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67971438
ISBN 9785005688859*

Аннотация

«Это удетствительно» – моя первая книжка для семейного чтения. Отчасти основана на реальных событиях, отчасти – на вымысле. Для детей – сказка, для взрослых – о детях, а всем вместе – возможность получше узнать друг друга. Это особенно важно в наше время, покоренное экранами гаджетов. Иллюстрации в книге можно раскрашивать, их создала художник Ольга Санталова. Приятно почитать!

Содержание

Повесть	5
Глава первая	5
От автора	5
А начиналось все так...	6
Клаус и его сказки	14
Как в доме появился Тимка	17
Бабушка Галя и Мэрцишор	21
Первое упоминание	26
Явление Черного Человечка	38
Как пришли большие потрясения	42
Глава вторая	48
В Амазонию!	48
Найда и пододеяльник	49
Подельники	51
Кэрри и Кузя	52
Витёк	56
Поросята, или восставший из багажника	58
Три цыпленка	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Это удетствительно
Сказка-повесть о
Небесном Камне и
другие истории о стране
детства и ее обитателях**

Елена Прудиус

Иллюстратор Ольга Санталова

© Елена Прудиус, 2022

© Ольга Санталова, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0056-8885-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повесть о Небесном Камне

Глава первая

От автора

Истории, которые содержатся в этой книге, рассказала моя старая знакомая Ёлка. Ёлка это не имя, а прозвище, но оно гораздо больше похоже на нее, чем имя. В некоторых историях она участвовала сама или видела то, что происходило на ее глазах. Некоторые из них она слышала от своих друзей и знакомых, например, домовой Луши и некой Дымницы. Одни истории, несомненно, можно признать достоверными, другие вызывают большие сомнения в том, что такое может быть на самом деле. Я пыталась выяснить у Ёлки, что тут все же является чистым вымыслом, но Ёлка тверда в убеждении, что у нее очень бедное воображение и что-то просто придумать она не в состоянии. Поэтому мне ничего не остается, как признать лично Ёлкины истории былями, а то, что слышала она от своих знакомых, сказками, и предоставить читателю право окончательного решения вопроса.

А начиналось все так...

В солнечной Молдове, прекрасном городе Кишиневе жили-были... Сначала их было всего двое – молоденькие и одинокие папа и мама. Это только потом у них появились одна за другой две девочки – Зоя и Клава, и тогда папа и мама стали действительно папой и мамой и перестали быть одинокими. Вы спросите, а кем они доводились моей старой знакомой Ёлке? Держитесь за стул покрепче – папа и мама были молоденькими уже довольно давно, и теперь та молоденькая мама стала бабушкой Ёлкой. О том, как это произошло и что произошло еще кроме этого, мы узнаем дальше.

Когда в доме появились девочки, родители наконец поверили, что домовые бывают на самом деле, потому что начали пропадать ложки и вилки, деваться неизвестно куда мамины сережки и другие вещи, которые до сих пор точно знали свое место. Иногда некоторые пропавшие вещи мама случайно обнаруживала во время уборки в детской комнате или просто в какой-нибудь щели между стеной и мебелью. И тогда мама благодарила своенравного духа дома, домовую, за то, что та иногда возвращает то, чем поозорничала. Домовая радовалась, что ее наконец-то признали членом семейства, но огорчалась, что ей приписывают все пропажи, происходящие в доме. Ведь на самом деле это Зоя и Клава без конца роняли и забывали всякие домашние вещи, которые они

брали только на минуточку, чтобы посмотреть или примерить на себя.

Один раз Зоя остригла кукле Тане ее длинные косы, потому что мечтала о косичках, а мама ее водила в парикмахерскую и коротко стригла. Да, она остригла кукле Тане ее косы, шепотом попросив у нее прощения за это, а потом привязала их на нитку от большого клубка из маминого вязания, пристроила себе на голову, а чтобы было красиво, сверху надела папину спортивную, светло-зеленую шапочку с помпоном. Теперь из-под шапочки были видны длинные косы, и Зоя долго вертелась перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон с помощью маминого ручного зеркала. Это было так красиво... Это была самая большая Зоина мечта.

Клава смотрела на сестру и полностью ее поддерживала. Она тоже понимала, что такое настоящая мечта. Когда мама пришла из магазина, она увидела не успевшую снять свои

новые косы Зою. Вот тогда она поняла, что не стоит все происшествия подряд валить на домовую, ведь даже Зоя не стала отрицать того, что эта она сама ножницами и собственными ручками устроила себе красоту. Ёлка утверждает, что не стала ругать Зою, она только, вздохнув, подправила кукле Тане стрижку и завязала ей бант, а Зое стричь волосы перестала, и через пару лет у дочки выросли две симпатичные собственные косички. И у Клавы тоже. А Таня с бантом перестала обижаться на них, потому что настоящую красоту ничем не испортишь. Так Зоя осуществила свою мечту, а домовая была оправдана хотя бы в части прегрешений, которые пытались ей приписать в этом доме.

Любая другая домовая давным-давно потеряла бы терпение и перебралась в какой-нибудь более спокойный дом, например, в котором жила одинокая бабушка Маргарита Николаевна, которую девочки называли между собой Маргарет Тэтчер за необыкновенную твердость характера, а мама Ёлка тайком – бабка Маргаритка. У той даже кошки не было, и в доме всегда на вытяжку стоял идеальный порядок. Но наша домовая считала, что скучное прозябание в полностью предсказуемом доме не для нее. Она, знаете ли, всегда была немножко авантюристкой, этаким искательницей приключений. Поэтому, как только она почувствовала оттепель в отношении хозяйки к ней, то стала пытаться разговаривать. Голос домовых чрезвычайно тихий, и нужно очень внимательно слушать, чтобы услышать хоть что-нибудь. И мама ее

услышала!

– Зови меня Лукерья, – услышала мама, – я дух этого дома.

– Ой, значит, ты домовая Лукерья! – обрадовалась мама. – А меня зовут Елена. А ты добрый дух или злой?

– Это смотря по обстоятельствам, – туманно откликнулась домовая, – например, я прячу ложки, которые хозяева и так бросили где попало, и сами не помнят где. Некоторым даже помогает, начинают класть их на место, – скромно потупилась¹ Лукерья. – Кстати, меня можно звать Лушей.

Впрочем, даже услышать их могут лишь мамы маленьких детей, пока те не начинают учиться в школе только на «отлично», и которые иногда сами как бы впадают в детство. Вы ведь не раз, наверное, замечали, как какая-нибудь мама с упоением сюсюкает со своим малышом, как будто разучилась по-человечески говорить и никогда не посещала занятия в детском садике, не говоря о школе. Или ползает на полу, собирая из кубиков картинку и хлопая по маленьким ручкам, которые пытаются ей помочь, но на самом деле все разваливают.

А уж если начать говорить о папах, то Зоин-Клавин папа вообще с трудом выпадал из детства. Пользуясь моментом, представлю вам папу. Его имя Николай, и судя по имени, он

¹ «Потупилась» это явный перебор Ёлки, ведь домовые на глаза взрослым не показываются, только детям иногда.

должен быть положительным и очень серьезным человеком. Так оно и было, но если бы ему кто-нибудь разрешил не ходить на работу, он бы вообще не вылезал из детской комнаты. Однако папа был очень правильно воспитан и понимал, что если он не пойдет на работу, то маме не осилить присутствие в доме такого количества жизнерадостных детей с отличным аппетитом.

Поэтому папа ходил на работу каждый день и работал очень хорошо. А из детской не вылезал по субботам, когда мама, безумно устав от недельного сидения с двумя малышами, в одно мгновение отращивала себе крылья² и улетала на них по магазинам, где моталась часа три, накупив на остаток денег всяких трогательных мелочей вроде шпилек и заколок для волос и, непременно, новых игрушек.

Потом крылья сами несли маму обратно домой. За эти три часа она успевала так сильно соскучиться по своим дочкам и даже их папе, что вихрем врывалась домой и обрушивала на свою семью целый водопад своего счастливого смеха, новых кубиков и разноцветных резиночек для косичек.

Ой, получилось очень длинное отступление, а ведь Луша продолжала говорить с мамой:

– Мне не нравится твое имя, оно какое-то слишком серьезное для тебя. С таким именем ты холодная и морозная,

² Тут мне кажется, Елку опять «занесло», но если ей кажется, что она летала по магазинам на крыльях, то ведь ей самой видней?

как горная вершина. С таким именем тебя хорошо держать в стеклянной витрине какого-нибудь музея.

– Вот и муж говорит про меня то же самое, – подтвердила мама.

– Это все потому, что ты считаешь себя Еленой, а на самом деле ты Ёлка.

– Откуда ты знаешь? – чуть не со слезами удивленно спросила ее мама.

– Как же мне не знать все про наш дом и про людей, которые живут в нем? Это моя работа и, заметь, работа любимая. Это вы, люди, можете заниматься чем попало, а мы, духи, работаем только по призванию. Когда ты была совсем-совсем молоденькая и зеленая, тебя так звал твой столь же юный друг Володя. Однажды он увидел тебя маленькой пушистой Ёлочкой и впервые назвал твое настоящее имя.

– Но ведь я никогда, никому, ни разу, сама не знаю, почему... не говорила этого имени.

– И теперь не говори никому. Пока не придет время.

– И когда же оно придет? – удивилась мама.

– Ты сама поймешь это.

– Ух! – даже рассердилась мама. – Все ты загадками говоришь. Ну, ладно, согласна, ты все же дух дома. А как настоящее имя нашего папы?

– А, ну-ка, подумай про него хорошенько, посмотри на него, настоящего...

И Ёлка увидела себя наряженной новогодними игрушка-

ми и разукрашенной мишурой, а в полутемную залу тихонько входил дед Мороз с мешком подарком. У него было лицо отца ее детей.

– Санта Клаус! Клаус – его настоящее имя?

– В общем, на Западе все домовые знают, что Святой Николай и Санта Клаус – одно и то же лицо.

– А ведь и родом его предки из Прибалтики откуда-то... Да и у меня самой по одной из родовых линий есть предки из Финляндии. Вот тебе и Санта Клаус... Ой, Луша, как с тобой интересно!

– А теперь – до свидания, моя дорогая, – ответила ей Луша, – мне пора выполнять свою работу. Нам, духам, очень редко удается говорить с вами, людьми. Наши миры очень редко так близко соприкасаются, как сегодня, но знай, что я всегда готова помочь тебе.

Мама Ёлка дорого бы дала за то, чтобы узнать, какая работа у домового Луши, но было совершенно ясно, что та ничего не скажет, потому что это все равно невозможно объяснить обыкновенному человеку. И мама решила просто внимательно следить за всем, что будет происходить в ее доме. Он теперь показался ей совсем живым. Она ласково провела рукой по теплой стене и зашла в детскую поцеловать спящих детей. Дети раскинулись на своих этажах двухъярусной кровати в глубоком крепком сне. Вдруг Клава во сне хихикнула и слегка поежилась, как будто ее кто-то пощекотал. «Вот Луша, сама как ребенок», – подумала мама. И не ошиблась –

это сделала именно она.

А теперь мы ненадолго расстанемся с мамой и ее невидимой подружкой Лушей и узнаем, что еще происходило в этом доме до того, как, собственно, началась история Небесного Камня. Ёлке это казалось важным, потому что она уверена в том, что нельзя просто выдрать из целой сплошной жизни какую-то одну, даже самую увлекательную нить, это все равно, что вышивать букет одним цветом.

Клаус и его сказки

Мы уже немножко познакомились с Зоей и Клавой. Остается добавить, что кроме официальных, у них были еще домашние имена – озорную и лукавую Зою называли Зойкой и Зайкой, а напористую и упрямую Клаву – Клавунчиком или Клавдеей, с ударением на первом «е». Зоя и Клава, как и большинство нормальных детей, очень любили сказки. Мама им на ночь сказки читала, а папа рассказывал. Он их придумывал на ходу, и дочкам они почему-то нравились больше всех других.

Вот однажды вечером папа сел на стул рядом с двухъярусной детской кроватью, на верхнем этаже которой обитала Зоя, а младшая Клава была вынуждена кое-как ютиться на нижнем.

– Жил-был в лесу... зайчик, – начал папа.

У детей замерло дыхание: что же дальше будет с зайчиком? В это время послышался храп засыпающего папы, и обитающая внизу Клавунчик начала его тормошить:

– Папа, ну, папа, что дальше!

Папа с трудом открыл мутные от усталости глаза и продолжал:

– Однажды он шел по лесу и встретил ежика...

И папа снова замолчал.

– Папа, не спи! – закричала сверху Зойка.

Папа вздрогнул и продолжал:

– Потом они пошли по лесу вместе...

Снова возникла пауза, и Зоя помогла папе:

– А потом они, наверное, встретили Бабу Ягу?

– Да, потом они встретили Бабу Ягу. И она утащила их в свою избушку... На курьих ножках.

Сестрички снова затаили дыхание, а в наступившей тишине снова раздалось папино похрапывание. Но теперь он сам вскинул упавшую было на грудь голову и закончил:

– Но у нее ничего не получилось. Потому что проходил мимо Дед Мороз с большим мешком. Он освободил ежика и зайчика. А Бабу Ягу посадил в свой мешок и унес к себе на Северный Полюс – гайки ей подкрутить...

– Папа, папа, а где у Бабы Яги гайки?

– В голове... Ну, все-все, спать. И папа лег на широкую ро-

дательскую кровать, и больше уже ничего не слышал. А Зоя с Клавой еще некоторое время шушукались:

– А когда он ей гайки подкрутил, что он сделал?

– Наверное, отпустил обратно в лес, – предположила Клава.

И в спальне прочно утвердилась тишина, нарушаемая лишь редкими раскатами папиного храпа и шумом льющейся из крана воды. Мама на кухне домывала посуду и тоже очень хотела спать.

Как в доме появился Тимка

Однажды весной дети играли во дворе, а мама время от времени выглядывала из окна кухни – посмотреть, где ее девочки. Они ушли из дома с целым свертком всяких нужных вещей, например, там было покрывало для домика, и много всякой посуды, и даже кое-что из мебели. Ведь не могут же куклы жить, как попало – без кровати там или серванта. Не говоря о куче платьев.

Мама видела, что девочки со своими подружками мирно играли на своем одеяле, но потом Зойке в голову, видимо, пришла свежая мысль, она сорвалась с места и куда-то побежала. Девчонки за ней, и Клавдея тоже сначала ринулась за ними. Но вдруг она остановилась, развернулась, кинулась обратно к брошенному хозяйству, свернула его в одеяло и с этим свертком понеслась за сестрой и подружками.

Мама подумала, что младшая у нее, кажется, растет хозяйской. Дальше мама потеряла их из виду и вернулась на кухню – продолжать готовить ужин.

А понеслись девочки в соседний двор, где собака по кличке Лира недавно ошенилась и принесла целых восемь кутят. Дети сделали им что-то вроде будки и кормили всю эту большую семью, клянча куски у своих мам или просто пряча что-нибудь съедобное после еды. Из-за Лир с ее детьми между двумя соседними дворами даже получилось что-то вроде войны. Каждый двор хотел, чтобы Лира жила у них, и время от времени собаку со всем ее выводком перепрятывали в новое место, чтобы «враги» из соседнего двора не нашли ее. Там тоже не дремала разведка, и не было, наверное, ни одного подвала, в котором бы не побывали мальчишки и девочки из всех окрестных дворов. Включая, разумеется, Зою и Клаву. Зоя даже вела тетрадь с записями под названием «Дела Лир и ее щенят».

Одним словом, побежали они прятать Лиру. Мама про это ничего не знала, и ее беспокоило, что детей целый день нет дома, и они приходят грязные, и постоянно таскают каких-то щенят. Да, так их называли дети – щенята. Это взрослые пользуются грубыми словами, такими, как щенки. А дети знают точно, что если есть котята, цыплята и утята, то, значит, есть и щенята.

Мама и папа уже потихоньку обсуждали между собой вопрос, что, наверное, придется завести дома какое-нибудь жи-

вотное, чтобы дети не переселились окончательно в подвал. Папа и мама имели в виду какое-нибудь приличное животное, например, породистую собаку. Но все получилось совсем не так.

Однажды дети вернулись домой раньше обычного и стали играть в своей комнате. Они быстро поужинали, потом исчезли у себя. Мама и папа порадовались хорошему аппетиту своих девочек. Да еще потом дети помылись без разговоров и легли без сказок спать. Родители только диву давались – что же такое с ними?

Утром мама услышала из детской комнаты тихое поскуливание, возню и громкий шепот детей. Она постояла под дверью, прислушиваясь. Да, нет сомнений – визжал щенок, и он, судя по всему, провел ночь в комнате ее девочек.

Так и появился в доме Тимка. Ведь невозможно было его теперь выставить, когда дети вернулись домой. Потом папа и мама тоже полюбили его. Тимка оказался одним из Лириных щенят. Остальных тоже разобрали дети из соседних дворов.

А что же домовая Луша? Вы думаете, что она хотя бы намекнула бедной маме Ёлке о том, какой переворот готовился в их доме? Ничего подобного. Ёлка даже решила, что Луша покрывала все детские проделки, пока родители не очутились перед фактом увеличения своей семьи. Как видите, привычка все валить на кого-нибудь, кроме себя, никуда не делась у мамы, и она потом с некоторым огорчением это отметила.

Бабушка Галя и Мэрцишор

Зоя и Клава часто болели, когда ходили в садик. Не то, чтобы садик им совсем не нравился, но если был выбор и малейший шанс остаться дома, они его всегда использовали, тем более, что в тот год зима была особенно длинная и холодная, и дети часто простужались. А дома было столько всего интересного – и щенок Тимка и соседская бабушка Галя с ее сказками. Бабушка Галя была на пенсии, поэтому Зоины-Клавины мама и папа договорились с ней, что она будет иногда сидеть с их девочками, когда мама их подлечит в оче-

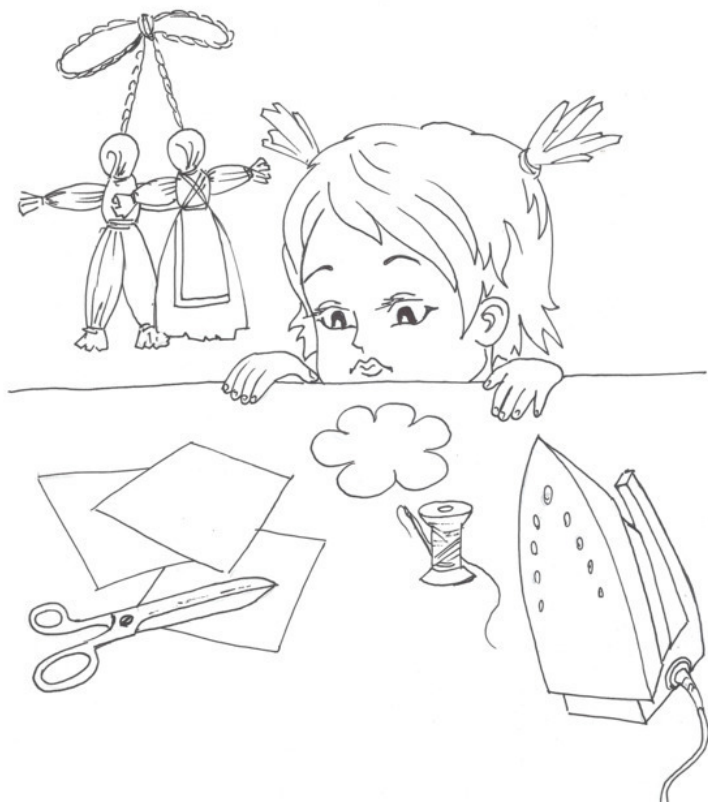
редной раз, но в садик вести еще будет рано. А маме пора будет выходить на работу. Соседская бабушка согласилась, детей она нянчила не в первый раз, ей нравилось возиться с ними, и они никогда не утомляли ее слишком сильно. Кроме этого, она подрабатывала изготовлением из накрахмаленной ткани очень красивых маленьких красных и белых цветочков, которые вызывали давнее любопытство Зои и Клавы. Это, не считая того, что она была профессиональной поварихой и прекрасно готовила, и часто угощала Зою и Клаву теплыми плациндами³ с брынзой и творогом с укропом и другими вкусными начинками.

Сестры с бабушкой Галей часто ходили гулять в парк, что тянулся длинной полосой между их районом Рышкановкой, и соседним, Чеканами. Рышкановка и Чеканы находились на двух холмах, а впадину между ними занимала полоса старого живописного леса, в котором пели весь год чистые родники, и в самом низком месте журчала безымянная речка.

Как-то в конце зимы в очередной раз заболела Зоя и, когда миновал кризис, мама вышла на работу, а девочка осталась с бабушкой Галей. Клава в тот раз была здорова и продолжала ходить в садик. Бабушка Галя с утра сидела над своими цветочками, и Зоя, не отрываясь, долго смотрела, как бабушка ловко выбивает цветы из плотно накрахмаленной ткани

³ Плацинда это национальная молдавская лепешка с начинкой, традиционно делается из очень тонкого, «вытяжного» теста.

специальной формой, потом гладит их паяльником, чтобы лепестки стали вогнутыми, а цветы от этого пышными, как скручивает вместе белую и красную нитки и, наконец, прикрепляет к этой двойной нити два цветка, белый и красный.

– Вот наступит первое марта, – проговорила бабушка Галля, – подарю тебе и Клавочке по мэрцишору.

– Ты про эти цветочки говоришь, бабушка? – спроси-

ла Зоя.

– Да, моя хорошая, про эти цветочки.

– А почему они мэрцишоры и зачем их дарят?

– А вот мы пойдем сейчас в парк к роднику, и он нам споет свою песню. Может, и расскажет про Мэрцишор.

– Давай пойдем скорее, бабушка Галя! – закричала Зойка, и стала быстро одеваться на улицу.

Родник был им хорошо знаком. Он пробился рядом с мостом, что перекинулся через безымянную речку, и был, пожалуй, самым большим и всегда чистым родником в округе, сюда целый день приходили люди, чтобы набрать чистой воды. Он и сейчас приветливо журчал и позванивал струями, падающими с деревянного желобка в ледяную ложбинку. Зоя спросила:

– А как же песенка про Мэрцишор?

– А ты слушай внимательно, он уже поет ее.

Зоя даже наклонила голову, чтобы получше слышать песню родника, но он все звенел и звенел, журчал и булькал, а слов было не разобрать.

– Бабушка, я не понимаю его слов, он, наверное, поет по-молдавски?

– Нет, милая, не по-молдавски, он поет на языке родников, и нужно очень внимательно слушать, чтобы научиться его понимать.

– А ты ведь понимаешь его?

– Да, когда долго живешь, можешь многому научиться.

– Так ты Расскажи мне его песню!

– А давай я Расскажу тебе и Клаве вечером, когда она из садика придет.

Зое очень хотелось настоять на своем, чтобы бабушка сказала прямо сейчас, и ей одной, но она уже знала бабушкин характер. Бабушка многое разрешала, но в некоторых случаях была непреклонна. И это был один из таких случаев.

Первое упоминание о Небесном Камне

Зоя и Клава уселись на диване и начали слушать рассказ бабушки Гали. Бабушка вязала что-то воздушное из пушистой голубой шерсти. Монотонно поблескивали стекла ее очков и спицы под неторопливое повествование. Сестры уютно устроились на бабушкином диване, накрывшись теплым клетчатым пледом.

Когда-то давно жила на свете принцесса. Она родилась ровно в полночь и оказалась необыкновенно красивой, а ее лик был светлым, как полная луна, так что называли ее по имени сестры солнца Иляной Косынзяной. А чтобы их не перепутать, о принцессе говорили «наша Иляна Косынзяна». Была она единственной дочерью королевской четы и росла, окруженная любовью и заботой. Тогда же, только в солнечный полдень, родился мальчик у одной вдовы благородного происхождения, и его называли Ионикэ. Не было на всем све-

те девушки, прекраснее Иляны Косынзяны, а у вдовы на самом краю города подрастал Ионикэ, и тоже с каждым днем становился все красивее, за что получил прозвище Ионикэ Фэт-Фрумос, что значит прекрасный юноша.

Дети подрастали, ничего не зная друг о друге, пока не повзрослели. Тогда по обычаю Ионикэ, как знатный юноша, стал при дворе служить пажем прекрасной принцессы и влюбился в нее с первого взгляда.

А она увидела однажды в небе яркую звезду – то был Лучафэр. Принцесса влюбилась в холодный свет его лучей и порой всю ночь напролет не могла оторвать своего взгляда от прекрасной звезды. Лучафэр увидел девушку, безмолвно сидевшую у окна, и был пленен ее теплой живой красотой. Всю ночь они не могли наглядеться друг на друга, и вот под утро наша Иляна Косынзяна взмолилась: «О, прекрасный друг мой, спустишь ко мне, я не могу без тебя жить».

И Лучафэр скатился с небосклона светлой кометой, и в прекрасном человеческом обличье и светлых одеждах предстал перед влюбленной принцессой. Он умолял ее покинуть землю и стать его звездной супругой, и вместе царить в небесах. Но Иляна испугалась, не хотела она умирать для земли и воцаряться на небе, жалко ей было покидать своих родных и благодатные лесистые холмы своей родины. «Нет», – ответила она Лучафэру, и он, скорбя, вознесся вновь на небосклон, тая в свете утренней зари.

И снова сидела прекрасная Иляна долгими ночами возле

окна и не могла отвести взор от светлой звезды Лучафэра. И снова не выдержала она и умоляла своего возлюбленного сойти к ней с небес. И снова сошел Лучафэр к ней, только потемнел его взор, и были темны и багряны его одежды. Он говорил ей о своей великой любви, о том, что не суждено бессмертным быть среди людей, но может он ей одной даровать бессмертие и сделать своей звездной супругой. Но принцесса и на этот раз испугалась покинуть землю и всех, кто ей дорог, даже ради своей великой любви. Нахмурился горько Лучафэр, истекало отведенное ему на земле время, и чернокрылой птицей взметнулся ввысь, и возник на небосклоне тающей в свете зари звездой.

Тем временем изнемогающий от любви Ионикэ Фэт-Фрумос пал на колени перед прекрасной принцессой и излил перед ней свое сердце. Была тронута прекрасная Иляна красотой юноши и пылом его страсти, но взор ее по привычке снова обратился к высокой звезде. Там, в его вышине, она нашла ответ и сообщила его юноше. Она согласна стать его невестой, если он принесет ей цветок небесной любви, возросший от света Лучафэра, и обручальное кольцо с камнем, упавшим с небес. Ионикэ Фэт-Фрумос поклонился и поцеловал край белого платья принцессы. Взор его устремился вдаль, и Ионикэ отправился в путь. Снег искрился под копытами его красноухого коня, солнце играло на красных доспехах юноши.

Тут бабушкино повествование прервалось тихим хихи-

каньем. Сестры вздрогнули, а бабушка перестала мелькать спицами и осмотрелась поверх очков. Она никого не видела, но Зоя и Клава заметили в темном углу, плохо освещенном торшером, в глубине старого кресла две небольшие тени. «Ах!» – вырвалось почти одновременно у сестер. Бабушка Галя явно не видела их, но прислушивалась и теперь сказала:

– Это ты, Луша?

– А то кто еще? – хихикнул снова тот же самый голос. – Пришла вот в гости к твоей Артыне, сидим и слушаем твои сказки. Сидим и поражаемся, как ты умудрилась так все перепутать в одну историю – и Михая Эминеску⁴ и кучу сказок.

Тут Зоя и Клава разглядели тех, кто сидел в старом кресле. Эти двое были отдаленно похожи на людей, но их лица напоминали крысиные мордочки, покрытые бурой шерсткой, а ручки и ножки – мохнатые паучьи лапки. И эти ножки непрестанно болтались внизу кресла, а ручки совершали массу сложных движений, как будто существа дирижировали сами себе. Одеты они были в какие-то бесформенные балахоны из ткани, больше всего похожей на паутину, такие же серые и пыльные. Зоя и Клава, конечно же, и раньше подозревали, что у них дома есть таинственное существо, но видели его впервые.

Бабушка Галя тем временем невозмутимо ответила на слова Луши:

⁴ Михай Эминеску это известный румынский поэт, автор поэмы «Лучафэр».

– Старая я, может, склероз у меня, как помню, так и рассказываю, но правда остается правдой, разве не так?

Луша с Артыной переглянулись, снова хихикнули, видимо, просто от избытка чувств, и тогда бабушкина домовая, Артына, более низким, чем у Луши, и немного хриплым голосом, сказала:

– Галюца⁵, ты права, все могло быть именно так, как ты рассказываешь, и даже еще удивительнее.

Бабушка Галя, снова склонившись над вязанием и замелькав блестящими спицами, ответила:

– А, может, раз уж вы здесь, то и продолжите эту историю? Домовые переглянулись, и Луша, тыкая тонким паучьим пальчиком то себя, то подружку, стала нараспев произносить считалку:

*Я Лукерья, ты Артына,
Кто покажет нам картину?
Может ты, а может я,
Пусть услышат нас друзья.*

Вышла Артына, и рассказывать должна была Луша. Девочки сидели, едва дыша и боясь пропустить хоть слово. Ведь когда еще можно услышать сказку, которую рассказывает настоящая домовая. Бабушка Галя тоже внимательно прислушивалась, кажется, радуясь возможности отдохнуть

⁵ Галюца – по-молдавски ласкательный вариант имени Галя, так можно сказать Ленуца, Нинуца и т. д.

от повествования и самой узнать, как продолжилась эта история.

Лушин тихий голос зашелестел и вскоре превратился в шум ветра в ветвях зимнего леса, в поскрипывание снега под ногами коня, в щебет птиц...

Ионикэ Фэт-Фрумос неторопливо ехал верхом на своем красноухом жеребце. Он не знал, куда нужно ехать, и вообще зима была – какие уж тут цветы... Но он дал слово прекрасной Иляне и собирался сдержать его, найти цветок, возросший от лучей небесной звезды, и кольцо с небесным камнем.

А Лучафэр гневно пылал в вышине и просил Отца своего о великой милости – сделать его смертным и отпустить на землю. Но Отец только покачал великой своей главою и ответил, что не суждено такому быть, чтобы бессмертный стал смертным, и его долг – остаться в небесах и сиять сверху смертным людям. В ту ночь увидел Фэт-Фрумос скатившуюся на землю яркую звезду – то выпал из короны Лучафэра дивный камень. Слепящая вспышка прочеркнула небо сверху вниз, а Лучафэр обрел покой, сияя ровным светом и освещая путь Фэт-Фрумоса в ночи.

Ионикэ Фэт-Фрумос держал свой путь в направлении упавшей звезды. Красноухий тоже, казалось, чувствовал, куда надо идти. Прошло немало времени, и маковой росинки не было у Ионикэ во рту уже три дня. Хорошо, что конь разрывал копытом снег и щипал остатки травы, и вместо воды был у них снег. Силы Фэт-Фрумоса таяли, и охоты никакой

не было — ни зверя лесного, ни птицы не попадалось юному рыцарю.

Но вот заметил он вдали мелькание зеленого платья, поспешил туда, и вскоре увидел красивую юную девушку, которая шла по снегу⁶ босая, снежный наст⁶ ранил ее нежные ножки, и капли алой крови оставались на ее пути, и таял там снег.

Ионикэ Фэт-Фрумос увидел эти капли на белом снегу и вдруг вспомнил свою любимую так, как будто она была прямо здесь, с румянцем губ и щек своих, в белом платье. Остолбенел он от видения и долго не мог прийти в себя.

Вдруг из-за кустов показалась древняя старуха в синем морозном плаще, подернутом инеем, с клюкой в корявой руке. И этой клюкой она со злобным смехом коснулась юной девушки, и та застыла в одно мгновение, а платье ее стало блекнуть и покрываться инеем. Тут рыцарь очнулся от своего забытья и прищипорил коня навстречу старухе. Он хотел выбить клюку из ее руки своим мечом, но меч треснул, как хрупкое стекло, и льдистые его осколки упали под ноги коня, тогда Фэт-Фрумос спешился и стал бороться со старухой, стараясь завладеть клюкой. Но она его повалила на снег без особых усилий и снова протянула свою ледяную клюку к застывшей, но еще живой девушке. Тогда рыцарь из последних сил поднялся и схватил клюку, прижав ее к себе. Ледяная

⁶ Наст это плотная корка на поверхности снега в результате подтаивания и последующего замораживания.

игла пронзила тело, быстро остужая его и проникая в самое сердце...

Когда рыцарь очнулся, в небе ярко светило солнце, птицы радостно пели, звенели крохотные ручейки и, о чудо, на кустах набухли зеленые почки! Девушка в зеленом платье стояла рядом с ним и улыбалась. В ее волосах были чудесные цветы, сплетенные в венок, на плечах сидели маленькие птички, которые возвращаются весной из теплых краев. От девушки исходило тепло, и тело и сердце рыцаря быстро оттаивали. Когда он смог подняться, то спросил у девушки, кто она такая. И девушка ответила, что ее зовут Примэвара⁷, она дочь властелина далекой страны, и теперь настало ее время, весна.

– А где же старуха с клюкой? – спросил Ионикэ.

– Она ушла, ее время закончилось, но просто так она никогда не уходит, ее должен победить храбрый рыцарь, который не побоится умереть, и потому воскреснет. А теперь я хочу знать, что ты искал здесь и как я смогу отблагодарить тебя.

Ионикэ рассказал ей о любви к принцессе Иляне, которая прекрасна, как сама сестра Солнца, и о том, что он должен найти для нее. «Нет ничего проще, – улыбнулась Примэвара, направив луч красного камня из своего кольца на капли крови в тающем снегу. Тут же они расцвели чудесными красными цветами. – Бери любой из них и приколи на грудь своей невесте. Его зовут Мэрцишор, он появляется в са-

⁷ «Примэвара» по-молдавски это и весна и первая любовь.

мый первый день весны. А кольцо... вот оно, – и она сняла с пальчика сияющее кольцо с красным камнем, – этот камень долго ждал своего Короля, и твое имя начертано на нем. – И действительно, на камне было имя Ионикэ Фэт-Фрумоса. – У этого кольца много чудесных и полезных свойств. Вы всегда будете сыты – камень накормит вас. Он даст вам все необходимое, если ваши мысли и желания будут чисты. Он сохранит вашу молодость, исцелит болезни и отсрочит саму смерть. Теперь ты – владелец и хранитель чудесного кольца. Владей же им достойно».

И девушка исчезла, будто ее и не бывало. А Фэт-Фрумос, Король чудесного кольца, вернулся к невесте и приколот ей на белое платье Мэрцишор и надел на палец кольцо с сияющим красным камнем. Иляна сразу признала в лучах камня тот самый небесный свет, без которого она не могла жить, и счастливая пара в тот же день сыграла веселую свадьбу. Они правили в той стране многие-многие годы, и народ был счастлив в те времена. Чудесный камень давал им все необходимое, мир царил тогда.

Голос Луши совсем затих, и в кресле не стало видно двух беспокойных подружек, так что сестры даже не были уверены, что все это не приснилось им.

– Бабушка Галя! – не выдержала Клава, – а что дальше-то было?

– А дальше... Видите ли, условием владения чудесным камнем была чистота помыслов и желаний. И пока жили

и правили Фэт-Фрумос с нашей Иляной Косынзяной, все так и было. Но они не захотели жить вечно и однажды отдали камень своему сыну Лоэнгрину⁸, которого люди знали потом как Лебединого Рыцаря, и тихо отошли в мир иной. Их похоронили в чудесном четырехгранном мавзолее из яшмы с окнами из бериллов. А в стране вскоре началась смута, желания людей перестали быть такими чистыми, как раньше, а на камне так и не появилось новое имя. Тогда Лебединый Рыцарь понял, что должен кольцо поместить в мавзолей, где упокоились его родители. Так он и сделал, а сам отправился в странствие.

После его исхода появились люди, желающие завладеть чудесным кольцом, и однажды ночью они тайком подобрались к мавзолею. Не успели они даже коснуться его ограды, как мавзолей исчез, точно провалился под землю. Говорят, он теперь появляется время от времени в разных местах, показываясь людям, чистым сердцем, и радуя их своим видом. Он ждет своего часа, когда появится новый владелец Небесного Камня. Известно еще, что камень может объявиться не только в кольце, но и в ином предмете: чаше, рукояти меча, древке копья, в виде волшебного цветка.

⁸ Лоэнгрин – сын легендарного короля Монсальвата Парсифаля и его супруги Кондвирамур. Парсифаль был знаменит поисками чаши Святого Грааля и последующей принадлежностью к тайному ордену Лебеда – спасителей попавших в беду людей. Бабушка Галя смешала в своей истории и легенду о Мэрцишоре, и о Парсифале и его сыне Лоэнгрине, и поэму М. Эминеску «Лучафэр». Но ведь детям неважно, что это три отдельные произведения, жизнь-то одна.

– А как же Лебединый Рыцарь, сын Короля чудесного кольца? – тихо спросила Зоя, – неужели о нем ничего не известно?

– Известно, как же иначе... – помедлив, откликнулась бабушка Галя. – Однажды во время своих скитаний он встретил белого, как снег, старца, живущего в пещере, отдаленной от всех людских поселений. И старец рассказал ему, что тот должен делать. Сыну Фэт-Фрумаса и королевы Иляны суждено было стать рыцарем лебединого ордена и приходить на выручку к тем, кто с помощью чудесного колокольчика призовет на помощь. Лебедь будет являться к нему и провожать туда, где нужна помощь невинным. Совершив свой подвиг, рыцарь должен остаться неизвестным и безымянным. Так принц стал Лебединым Рыцарем и многие годы появлялся там, где звенел колокольчик в руках невинно пострадавших.

– А этот колокольчик тоже куда-нибудь под землю провалился? – уточнила Клавунчик.

– А вот и нет, – живо ответила бабушка. – Много рассказов есть о том, как он появляется то в одном месте, то в другом, и неизвестный рыцарь в лебедином оперении появляется там, спасая людей от беды.

Тут Зойкины зеленые глаза восторженно загорелись.

– Вот бы мне такой колокольчик! Тогда бы мама не смогла меня ругать ни за что.

– Ну, так уж и ни за что... – проворчала бабушка Галя. –

Все мамы иногда ругают своих детей и не всегда они во всем правы, ну а вдруг Рыцарь заберет ее у вас насовсем? Чтобы больше никогда не ругалась?

Зоя задумалась, представляя, как мамы нет сегодня, а потом завтра...

– Ну, уж я не согласна на это! – сказала ей Клава, – подумаешь, поругали тебя, а потом всю жизнь без мамы жить из-за этого?

Так они решили не вызывать Лебединого Рыцаря к своим родителям. Пока во всяком случае. Как будто уже обладали колокольчиком. А потом Зоя вспомнила про Мэрцишор:

– Бабушка, а ты обещала про Мэрцишор еще рассказать!

– Да, мои милые, чуть не забыла! Вы же знаете, что месяц март по-молдавски называется мэрць, вот и цветок этого месяца зовется Мэрцишор. И праздник будет с первого по десятое марта – тоже Мэрцишор. Мы все будем ходить друг к другу в гости, дарить красно-белые цветочки и поздравлять с началом весны. Так, а кому-то уже пора спать, – добавила бабушка Галя, услышав звонок в дверь.

Это пришла мама Ёлка за своими девочками, потому что их действительно пора было укладывать спать. «Мама, мы такую сказку сейчас слышали! Нам ее бабушка Галя рассказала и домовая Луша!» – выпалила Зоя, подбежав к маме. И мама совсем этому не удивилась, она только расстроилась, что не слышала ее вместе с дочками. Но Зоя и Клава перед сном рассказали маме и папе эту сказку. Иначе бы они ни-

почем сегодня не уснули.

А наутро был первый день весны и хорошо, что была суббота, и все остались дома. Бабушка Галя подарила им всем по мэрцишору, а папа и мама тоже подарили друг другу, обеим дочкам и бабушке красные и белые цветы весны.

Явление Черного Человечка

Зоя не зря мечтала о колокольчике Лебединого Рыцаря. Шло время, Зоя уже училась в первом классе, и училась не всегда блестяще. Нервы у Ёлки были в совершенно никудышном состоянии по непонятным Зое и Клавде причинам. Она то и дело срывалась на детей, выводила ее из себя больше младшая. Вот на днях Клавдея исполняла какой-то сложный пируэт и, изящно взмахнув ножкой и чувствуя себя пушинкой, попала этой ножкой в стекло книжного шкафа. Стекло, конечно, вдребезги, а Клавунчик цел и невредима, хотя, пожалуй, несколько огорчена осложнением тренировок. Прибежавшая мама обнаружила полную невредимость своего Клавунчика и тут же обрушила на нее весь свой, накопленный за целый день, запас гнева, да еще для убедительности потрясла ее за плечи. Клавдея разразилась испуганным ревом, а потом в слезах прокричала: «Помнишь, когда меня еще не было, я пролетала мимо с Боженькой и выбрала вас с па-а-а-а-пой... Ты меня любить должна, а ты только ругаешь!»

Ёлка оторопела от этого заявления и просто не знала, что ей сказать. Тогда она просто принесла ведро для мусора и совок с веником, а Клавунчик стала вместе с ней собирать осколки. В общем, Клаве, как с гуся вода все мамины упреки и крики. А вот Зое доставалось заодно, как старшей, да еще за собственную лень и повышенную тягу к игрушкам вместо уроков.

Однажды Зоя пришла из школы и не пошла, как обычно, к бабушке Гале, а осталась сама дома. В тот день в ее дневнике была запись Татьяны Тимофеевны о том, что Зоя не готова к уроку по математике, и стояла красная двойка. Ясно было, что мама за это по головке не погладит. Да и папа тоже. Тимка, порадовавшись хозяйке, снова лег в свой угол досматривать собачьи сны. Да и не мог Тимка ничем ей помочь сегодня.

Вздыхнув, Зоя бросила портфель в угол и присела в кукольном углу, где жили Барби с Кеном в своем идеальном супружестве. «Барби, ты будешь Иляной Косынзяной, а ты, Кен, Лебединым Рыцарем. У тебя, Иляна, будет серебряный колокольчик», – и Зоя дала Иляне в ручку маленький колокольчик, который Татьяна Тимофеевна подарила ей на первый звонок. Не только ей, конечно, она всем ребятам из класса подарила по колокольчику, но это не имело значения.

Иляна смотрела на волшебный серебряный колокольчик. Ее держала в заточении злая волшебница, которая очаровала доброго Короля, ее папу, и Иляна могла вызвать Лебедино-

го Рыцаря, который спас бы ее из заточения. Она еще не была уверена, что волшебница полностью злая, и тут появился Черный Человечек.

Он возник из тьмы под двухъярусной кроватью, и в первый момент Иляна решила, что это домовая Луша пришла к ней. Но это был совершенно незнакомый Черный Человечек. Он представился другом Иляны, хотя и трудно было поверить его зловеще горящим красным глазкам, но он напомнил ей все про то, как жестоко злая волшебница обращалась с ней, как даже доброго Короля она могла уговорить ругать ее. Тогда Иляна забыла про недобрые красные глаза и стала готовиться вызвать Лебединого Рыцаря. Она собрала в Зонтик рюкзачок все необходимые на первое время вещи, ведь неизвестно, куда ее могут спасти. А потом позвонила в колокольчик.

Но Рыцарь не появился почему-то, ни в лебедином оперении, ни в каком ином доспехе. Зато появилась Луша. И как только она появилась, глаза Черного Человечка злобно сверкнули, и сам он как-то съежился. Но не ушел, а стал ждать. Луша обратилась к Иляне:

– Здравствуй, моя принцесса. Кому ты поверила? Посмотри хорошенько в его злобные глазки, он же всех ненавидит и тебя подговаривает стать такой же, как он сам. Та, кого ты считаешь злой волшебницей, это твоя родная мама. Она сама заколдована, у нее облик той, которая навела на нее чары. А ты хочешь вызвать к себе на помощь Лебединого Рыцаря.

Помощь нужна твоей маме.

– А как же ей помочь? – растерялась Ильяна.

– Ты можешь вызвать Лебединого Рыцаря и попросить его помочь твоей маме.

Так Ильяна и сделала. Она позвонила в свой колокольчик, и от этого чистого звука Черный Человечек съежился, а потом растаял черным дымом. А вместо него появился рыцарь с плюмажем из лебединых перьев на шлеме, и светлый меч его блистал, и светился алый камень в рукояти меча. «О, храбрый рыцарь! – обратилась к нему Ильяна, – я прошу Вас помочь моей маме, заколдованной злой волшебницей». Тогда рыцарь безмолвно вознес перед ней свой светлый меч, и она в его лезвии, как в зеркале, увидела свою маму с двумя лицами: одно было добрым и любящим, а второе злым и свирепым. Злое лицо разворачивалось к ней, пугая, рот раскрылся в хищном оскале. Тогда Ильяна заплакала, как маленькая: «Мамочка, повернись ко мне, пожалуйста, ведь я же так люблю тебя и папу!» На злом лице отразилось изумление, потом тревога и неуверенность, черты его смягчились, и вскоре на Ильяну смотрело лицо ее родной мамы, смотрело с такой добротой и любовью, что Ильяна хотела ее тут же обнять. Но рыцарь убрал меч в ножны, лезвие со свистом рассекло воздух, а Ильяна осталась с протянутыми руками.

Так мама и застала свою Зойку – с испуганным лицом и протянутыми к ней руками, когда зашла в детскую комнату. Ёлка бросилась к дочке и обняла ее, а Зоя плакала

и радовалась тому, что мама пришла, настоящая ее мама. И тут же со всхлипами призналась в том, что скрывал ее дневник, о двойке и красной записи, а мама совсем не сердилась и только сказала, что двойки все иногда получают, и она получала, и не страшно, потому, что можно исправить. И тогда Зоины глаза повеселели и, когда мама ушла на кухню, она разобрала свой рюкзачок с необходимыми на случай побега вещами и порадовалась, что Луша так вовремя появилась, ведь она уже совсем было поверила Черному Человечку.

А тут и Клаву папа привел из садика, и тогда Зоя рассказала сестре о приключениях с колокольчиком и Лебединым Рыцарем. И Клава, конечно, ей поверила. Тут Зоя сообразила, что видела в рукояти рыцарского меча какой-то очень блестящий красный камень.

– А вдруг это тот самый, из сказки? – стала она раздумывать вслух.

И Клава ее поддержала:

– А то какой же еще?

Как пришли большие потрясения

До сих пор Ёлкин рассказ был плавным и легким, а теперь она стала запинаться и время от времени тяжело вздыхать – видимо, нелегко давались воспоминания этого периода.

Сначала пропал Тимка, которому исполнилось всего-навсего девять месяцев. У родителей были гости, старые хо-

рошие друзья, Валерий Дмитриевич и Валентина Сергеевна, но, как это иногда случается, все были слегка навеселе и, когда папа пошел провожать гостей до троллейбуса, за ним увязался Тимка, а потом никто не заметил, как щенок впрыгнул в салон троллейбуса. Незадолго до своего выхода Валерий Дмитриевич заметил знакомого щенка, но тот от него убежал и выскочил в новом микрорайоне неподалеку от лесополосы. На следующий день Клаус искал Тимку на этой остановке и окрест нее. Потом искала Ёлка.

Неделю искали и спрашивали всех, не видел ли кто-нибудь симпатичного лопоухого щенка с трехцветной шерстью и куцым хвостиком. Находились даже те, кто видел, и поиски продолжались, но недели через две стало ясно, что его не найти и, наверное, его кто-то взял себе, ведь он был такой хорошенький... Во всяком случае Ёлка и Клаус так говорили своим детям и делали вид, что сами верят в это. А тайком мама плакала так горько, как будто потеряла близкого друга. Собственно, так оно и было. И она знала, что у девочек глаза тоже на мокром месте. Тимка снился им всем. Ёлка пыталась спрашивать у Луши про Тимку, но та только вздыхала, что знает все про то, что делается в доме, а за его пределами она бессильна.

А затем была Перестройка и Война. Война была довольно далеко, за целых тридцать километров от их города, и горожане не слышали грохота пушек и разрывов снарядов в городах Тирасполе и Бендерах. Жизнь в городе продолжалась,

и их семья продолжала жить своей обычной жизнью, но папино лицо осунулось и взгляд стал темнее, а мама места себе не находила от волнения, все думала, удастся ли крестной дочек и ее подруге, тете Юльке, вырваться из осажденных Бендер. Как плакала Ёлка, когда Юлька с семьей все-таки вырвались из Бендер по мосту через Днестр в какой-то промежуток между обстрелами, только все имущество пришлось бросить, даже попугая, которому насыпали полную клетку корма и налили миску воды. Крестная с мужем и сыном Аликом жили у них неделю или две, пока война не кончилась, и они смогли вернуться в свой дом. Дом, к счастью, не пострадал, и даже попугай оказался живым и вполне здоровым. Дети вскоре стали забывать это слово «война», но для взрослых она еще долго продолжалась.

И как-то само собой вспомнилось другое, уже полузабытое потрясение. Весной 1986 года сначала произошла авария на Чернобыльской атомной электростанции, а летом случилось землетрясение, центр которого пришелся на румынские Карпаты. Это было первое в жизни Клавы и Зои землетрясение. Они его, правда, практически не почувствовали, потому что находились в это время в Херсоне, у бабушки, маминной мамы. Собственно, находились мама и Зойка. Клавочка родилась в ночь после землетрясения, и вряд ли ее воспоминания могут быть полезными. В Кишиневе был тогда только Клаус и, проснувшись ночью от сильного толчка, решил, что началась война. Первое, что он сделал, это нашел воен-

ный билет, а потом уже попытался выйти из квартиры. Это не сразу удалось, потому от подземного толчка заклинило входную дверь. Да, такое впечатление, что взрослым войны сильно не хватает, спят и во сне видят. Так думала, во всяком случае, домовая Луша, справедливо не причисляя себя ко взрослым и, вообще, к людям.

Второй раз трясоти начало среди бела дня несколькими годами позднее. Ёлка мыла Клавочке руки, и тут дом колыхнуло. Зазвенели стеклянные подвески на люстре и рюмки в горке⁹, попадали цветочные горшки с полок на стене. Ёлка, схватив Клаву с намыленными ручками, выскочила из дома, не закрыв кран и не захлопнув двери. Благо, что жили на первом этаже. Земля волнами ходила под ногами, и было страшно до дурноты оттого, что самое надежное на свете, земля, сейчас так подводит. Зоя гуляла на улице с подружками и прибежала к маме и сестре, как только начались толчки.

Это землетрясение не было разрушительным, пострадали разве что самые старые постройки и никто из людей. Но боялись потом долго, некоторые даже ночевали во дворе, на раскладушках и в палатках. Ёлке потом примерно месяц чудился звон стеклянных подвесок люстры. Причем, где угодно и очень явственно. В это время ее начинало плавно качать из стороны в сторону. Тогда нужно было посмотреть вверх и убедиться, что люстра неподвижна или никакой люстры вовсе нет, но звон продолжался... Тогда Ёлка стискивала

⁹ Горка это шкаф-буфет для посуды с застекленными дверцами.

свои руки и сжимала зубы, чтобы не поддаться панике. Это помогало и вскоре все прошло. Это второе землетрясение было за пару лет до Войны.

Все прошло и продолжало проходить. Однажды Зоя и Клава с бабушкой Галей пришли на родник возле моста и увидели, что он почти иссяк. Он издавал еле слышный лепет, и даже бабушка Галя едва разобрала, что он шептал. «Я ухожу... Ищите Небесный Камень, клад... ищите ключ к нему... ключ...»

Клава громко заплакала, и у Зои из глаз пролились щедрые слезы.

– Бабушка, он умирает? – плакала Клава.

– Нет, милая, он только уходит в землю, а там родится снова куда-нибудь еще. Люди землю потревожили, кровь на ней пролили безвинную, вот земля и гневается. И вы уходите, уезжайте, куда судьба покажет. Ищите Камень Небесный, счастье свое. Здесь его теперь нет.

Бабушка сильно одряхлела за последнее время, голова ее дрожала, а бледно-голубые глаза уже мало что видели, даже сквозь очки. Но видели далеко.

Судьба пришла со звонком из далекой России. Папу Клауса звали работать в молодой волжский город, звал старый друг. Ёлка с Клаусом и полдня не просомневались, что им делать. А почему бы не пожить еще и в России? Конечно, трудно будет отвыкать, а потом снова привыкать... Они не знали, что дети уже оплакали расставание с родными ме-

стами. Ночью Ёлка все-таки посоветовалась с Лушей.

– Луша, мы решили переехать далеко отсюда. Ты с нами?

– Ну, ты меня удивляешь, подруга. Куда же я без вас? Я же не кошка, чтобы оставаться на пепелище. Мне важнее человек, – гордо добавила домовая.

Глава вторая

В Амазонию!

Так семья вскоре очутилась в далекой Амазонии¹⁰, близ древних Девьих¹¹ гор, в городе Тольятти.

Жизнь семьи здесь оказалась вполне суровой, под стать древнему названию этих мест. Вдалеке от друзей долго призывали к новым местам дети, а взрослые просто зарабатывали на жизнь, не гнушаясь продаж на вещевых рынках кое-чего из нажитого имущества. Впрочем, этот трудный период сравнительно быстро перешел во вполне благополучную и обеспеченную жизнь.

Ни войн, ни землетрясений здесь как будто не предвиделось, вроде можно было вернуться в прежнюю счастливую жизнь. Но что прошло, то прошло, и даже дети не вспоминали еще долго о чудесном камне и Лебедином Рыцаре. Иные истории на время вошли в их жизнь. И их тоже рассказала Ёлка, настаивая на том, что и они имеют самое прямое отношение ко всем предыдущим и, тем более, последующим

¹⁰ Амазония это старинное название области Жигулевских гор, встречается на картах середины пятнадцатого столетия, считается, что связано с легендами о богатырях, живших тут, возможно, сарматского происхождения.

¹¹ А Девьи горы это и есть нынешние Жигулевские горы, название в память об амазонках, богатырях, живших тут встарь.

событиям. Потому что Небесный Камень был в это время где-то далеко и глубоко, а, может, и под самым носом, но никто, даже маленькая Клава, его уже не встречали. Даже Луша появлялась все реже, или маме самой было не до нее. Такой жизнью могли бы быть довольны абсолютно все трезво мыслящие реалисты, которые радуются, что люди, наконец, опускаются с небес на землю. Да и кто стал бы отрицать, что земные радости тоже на свой лад очень недурны?

Найда и пододеяльник

Когда Зоя и Клава уже обе учились в школе, у них жила собачка Найда. Мама Найды была почти чистокровным пекинесом, отец не оставил своих данных о родословной, а Найда получилась маленькая, с острой мордочкой, большими стоячими ушками, пушистым хвостом-бубликом, с густой длинной шерсткой темного цвета. Только грудка, «носочки» и кончик хвоста были у нее белыми, да еще кое-где имелись веселенькие желтые пятна. Глаза у Найды были большие, блестящие и черные, носик всегда холодный и влажный.

Зоя и Клава любили ее брать в свои игры и, например, разрешали ей прятаться в своих постелях. Обычно, правда, на первом этаже двухъярусной кровати, где спала Клава. Разумеется, Найда охотно участвовала в таких играх, хотя мама ругала их всех за это.

Но кончались выходные, девочки уходили в школу, папа и мама уходили на работу, а Найда оставалась дома одна. Ей становилось скучно, и тогда она запрыгивала в постель Кла-вунчика и зубами стаскивала покрывало, а потом от скуки рвала его зубами. Все это видела только Луша, но она очень долго об этом не говорила даже маме.

Однажды Зоя и Клава пришли из школы и увидели рваный пододеяльник. Найда вертела хвостиком и всем своим задом, ползала по полу и прижимала уши. В общем, изо всех сил просила прощения. Зоя и Клава простили Найду и маме ничего не сказали про пододеяльник.

Но ведь мама застилала детские постели каждый день. Или смотрела, как с этим справлялись ее дети. И, конечно, увидела изгрызенный пододеяльник. Она торопилась на работу и зашить его не успела. Только поругала Найду и заодно Зою с Клавой. Но Найда еще несколько раз устраивала постельные погромы, ведь ей было очень скучно без своих хозяек. Попробуйте целый день посидеть дома в полном одиночестве, когда у вас такие острые зубы и крепкие когти, и столько много сил!

В общем, когда пришел день смены постельного белья, на пододеяльнике мама обнаружила почти двадцать дырок в разных местах и разных размеров. Таким пододеяльником, как сетью, можно было бы ловить крупную рыбу или мелких собак.

К счастью, именно в это время к ним приехала в гости ба-

бушка Галя, мамина мама и тетка молдавской бабушки Гали, и энергично взялась за ремонт пострадавшего пододеяльника. Она искусно заплатала все дырки, и Найда больше уже не шкодила, потому что бабушка целый день была дома, готовила своим любимым внукам вкусные борщи и котлеты, пекла пирожки и угощала Найду. Потом бабушка, конечно, уехала, а Найда уже выросла и научилась просто лежать на своем матрасике в углу, когда все хозяева уходили куда-нибудь, например, на работу.

Подельники

Однажды мама Ёлка решила сделать котлеты и сварить борщ на мясном бульоне. Поэтому она достала из морозилки кусок мяса с косточкой и положила его на стол – размораживаться. В то время еще не было таких удобных приспособлений, как микроволновая печь, и хозяйки должны были все помнить заранее, например, что нужно размораживать мясо.

А в доме на тот момент, кроме людей, жили еще двое. Первая – знакомая нам собака Найда, а второго в честь Короля Льва дети называли Симба – это был очень симпатичный котенок, серый в полоску, с большими желтыми глазами. Найда его приняла очень хорошо, они подружились и теперь вместе бегали по всему дому.

Ну, так вот, лежит себе мясо на столе, мама пылесосит ковры и стирает белье – все это одновременно. Стирает, за-

метим, руками, не было у них тогда стирального автомата или просто даже машинки. В общем, про мясо и думать за-была. А потом вдруг ее что-то как будто изнутри толкнуло: надо заглянуть на кухню. Похоже, это Луша так дала ей знать, что в доме что-то происходит.

И, о, ужас! Что же она увидела! Мясо лежало на полу, и его молча и быстро ела Найда, рядом рвал свой кусок и урчал от возбуждения Симба. Мама закричала и бросилась спасать мясо, собака и кот бросились в разные стороны. К счастью, мяса осталось еще много, на всех хватило, а мама потом рассказала всем остальным членам семьи, как это могло произойти. По маминой версии произошло следующее. Симба вспрыгнул на стол, учуяв мясо. Найда визжала внизу и виляла хвостом Симбе. А кот из чувства солидарности сбросил мясо вниз, где подельники с ним вместе разобрались.

Потом мама стала закрывала дверь на кухню, когда размораживала мясо, и следила, чтобы Найда и Симба были в это время где-нибудь в другом месте.

Кэрри и Кузя

У Найды было много щенят, и в последнем ее выводке были две девочки – Кэрри и Лора. Лору взяли к себе соседи, а Кэрри осталась жить дома. Она была очень маленькая и худенькая. Пролезть могла в любую, самую узкую щель, и как

Клаус ни старался, ни заделывал заборы и калитки, удержать Кэрри во дворе было невозможно. Она выросла, пользуясь неограниченной свободой, и знала всех уличных собак. Маленькую собачку никто не обижал. Кэрри очень рано осиротела. Ее мама, Найда, вскоре после рождения щенят умерла, и мама с Клавой похоронили ее в лесу. В то время еще не было больших строгостей с захоронением домашних питомцев.

И, представьте себе, Кэрри не осталась одинокой. В доме в это время жил котик Кузя. Он был очень мягкий, светло-серый, ласковый и спокойный. Кузя полюбил Кэрри, он терпел, когда она тормошила его, играя, и хватала своими острыми зубами. Он вылизывал ее, как своего котенка. Представьте себе такую картину – Кэрри и Кузя сидят рядышком на ступеньке лестницы. Они примерно одного размера, и Кузя ласково вылизывает собачку. Так Кузя и вырастил Кэрри. А потом Кузя ушел в лес и не вернулся. Так бывает со старыми домашними животными, когда они чувствуют, что им пора умирать. Но Кэрри к тому времени уже стала большая, и никто никогда не видел, чтобы она обидела какую-нибудь кошку. Ёлка не сомневалась, что тут не обошлось без домовой Луши, ведь ей самой было совершенно некогда налаживать отношения между собаками и кошками.

После потери Тимки и смерти Найды уход Кузи стал очередной значительной потерей в жизни семьи. Дети плакали, взрослые тоже грустили, и маме Ёлке пришлось рассказать детям историю о Радужном Мосте, которую она как-то про-

читала в интернете. Трудно сказать, кто именно ее придумал, и рассказывали ее по-разному. Ёлка вот так рассказала ее своим девочкам: «На самом краю земли после дождя можно увидеть огромный, в полнеба, Радужный Мост. На нем оказываются все наши питомцы, покинувшие этот мир. Там хорошо – всегда греет ласковое солнышко, всегда достаточно пищи и воды. Животные играют друг с другом, они счастливы, как в своем детстве. Оттуда, с Радуги, они смотрят на нас и посылают нам свою преданность и любовь. Когда-нибудь, когда придет наше время оказаться на Радужном Мосту, они проведут нас в далекий, зарадужный мир, где отныне все любящие будут вместе, мы и наши питомцы...»

Зоя и Клава все равно плакали, но потом Клава пошла в свою комнату и нарисовала большую и яркую Радугу, на которой можно было разглядеть забавного щенка, остроухую собачку и серого котика. И себя внизу. Тимка, Найда и Кузя улыбались и посылали розовые лучи любви и преданности вниз, на землю, к ней. А Зойка была уже слишком большой для того, чтобы рисовать Радугу, она просто представила ее и множество знакомых животных, которые сейчас там, на ней. Она решила стать спасателем животных. А, может быть, даже людей.

Витёк

Конечно, в доме мамы, папы, Зои и Клавы происходило много других, не менее интересных вещей, но молодые годы мамы Ёлки пролетели так быстро, что она и охнуть не успела, как стала бабушкой, молодой, впрочем, бабушкой. Да-да, Зоя-Зайка выросла, стоит отметить, что ее детская мечта исполнилась – она стала работать в центре иппотерапии, ухаживать за лошадьми и спасать детей от разных болезней. А еще она вышла замуж и стала мамой, осчастливив дом прибавлением семейства. Так в доме появился мальчик. Его называли Витей, а звали кто Витюней, кто Витьком.

В это время семья жила уже в собственном доме «на земле», и в хозяйстве было целых три собаки, куры с петухом и много цыплят, не считая кошек. А в самом доме жили мыши. Во всяком случае, иногда они пищали в подвале и на чердаке, Клаус раскладывал для них отраву и заводил кошек. Зоя жалела мышек. Она еще жалела мух и тараканов, и над ней смеялись все, кроме Витька.

Клава, Витина тетка, тоже выросла и училась в университете, а также работала. Когда она собиралась на работу, то почти всегда не могла найти свою одежду, а потом свой паспорт и сумку. И вообще она почти ни о чем не помнила. Поэтому у Клавы можно было забрать все, что угодно, и спрятать в любое место. Так иногда и делала по старой привычке.

ке Луша-домовая в воспитательных целях. Впрочем, это совершенно не помогало, и Ёлка с тяжелыми вздохами говорила Клаусу, что слишком затянулся переходный возраст у ребенка. Впрочем, она помнила, что в детстве Клавунчик была настоящей хозяйшкой, и верила, что все хорошее еще вернется в свое время.

Что-то Ёлка увлеклась, рассказывая про Клаву. Ведь эта глава посвящена маленькому Вите, его первому годiku. Он такой чудесный мальчик! Он уже научился играть в ладуншки, прятаться за занавеску и смеяться на «ку-ку». Недавно он научился махать ручкой, когда ему говорят «пока». Еще он быстро ползает по всему дому и учится ходить. Пока он ходит за одну ручку и иногда может сделать, забыв, что не держится за опору, пару шагов сам. Еще он научился выплевывать кашу, когда она ему не нравится, а она ему каждый день не нравится. Это огорчает его маму, Зою, и она ему предлагает фруктовое пюре и детский творожок. Это он любит и ест охотно.

Но вообще, гораздо больше, чем есть, ему нравится играть. Мама очень огорчалась раньше, что Витины ровесники Ваня и Никита едят намного лучше. Одно удовольствие видеть, какой огромный рот открывает Ваня, как только видит тарелку с кашей. Теперь мама уже привыкла к Витиному скромному аппетиту и кормит его почти спокойно. А это очень трудно, т. к. Витёк, даже когда очень голоден, поворачивается к своей маме только на первые три-четыре лож-

ки, а потом начинает вертеться во все стороны, разглядывать с умным видом потолок совсем в другой от мамы стороне, как будто там ему показывают какие-то очень увлекательные картинки, и именно сейчас. Поэтому мама Зоя в одной руке держит ложку, а другой ухитряется быстро показывать Вите разные игрушки, чтобы он смотрел в ее сторону.

Любимые игрушки Витька – дверные ручки, выключатели и замки. Он уже научился открывать некоторые двери, нажимая на ручку. Конечно, его держат на руках мама или бабушка, а Витя, как монтажник-высотник, работает своими маленькими ручонками. Выключатели в доме большие и плоские, и Витя их уже очень ловко переключает одним ударом ладошки. И радуется, что стало светло или темно.

Поросята, или восставший из багажника

Витин дед Клаус очень хозяйственный. Почти как кот Матроскин из Простоквашино. Почти – потому что у него не хватает смелости или денег завести корову. Но зато он прикинул, что кормов у него хватает не только на собак и кур, но и на парочку поросят. Сначала он построил хлев с открытым загончиком. А потом поехал в деревню – за поросятами. Машина у деда Клауса с багажником, открытым в салон – вазовская четырнадцатая модель.

Устроил Клаус поросят со всем комфортом – в новых мешках с дырочками для дыхания, и положил в багаж-

ник. Они похрюкали, повозились, да и, вроде, успокоились. По крайней мере, так думал довольный осуществленной операцией Клаус. Он покручивал руль и любовался пейзажами ровно до тех пор, пока сзади кто-то не стал возиться и пыхтеть совсем близко. Оглянулся Клаус и чуть руль не упустил. Поросята уже расположились на заднем сидении, освободившись от мешков, а один из них забрался передними копытцами на его, водительское сидение, и пыхтел деду прямо в ухо. Пришлось резко тормозить и наводить порядок среди пассажиров, водворяя их в мешки и покрепче завязывая.

Поросята очень быстро освоились на новом месте и ели все дедовы корма с большим аппетитом. Кроме того, они хорошо относились к таким блюдам, как капустные кочерыжки, подгнившие яблоки и, конечно, желуди. Желуди для них собирали в лесу или даже прямо во дворе, потому что они падали с дубов, которые росли тут же, за забором. Иногда даже Витя помогал собирать желуди для поросят. Собирали, конечно, больше его мама и бабушка. Мама сажала Витю в траву, а сама вокруг него собирала. Вот так они вместе хозяйничали.

Поросята оказались очень энергичными, и когда им накладывали в корытце еду, дрались между собой, громко хрюкая. Та, которой удавалось оттолкнуть соседку (они обе оказались девочками), пару минут победно хрумкала в корыте. Потом они менялись местами.

Однажды дед Клаус утром встал и первым делом, как

обычно, пошел кормить кур и поросят. И что же он увидел, выйдя на двор? А он увидел два поросячьих рыла в окне куриного сарая. Вот уж там они ни в коем случае не должны были оказаться, ведь жили в другом его конце, закрытые на засов. Дед пошел в сарай и разобрался. Оказывается, поросята ночью времени даром не теряли и подрыли землю под своей калиткой, а потом ее вывернули наружу. Сами вышли на свободу и стали смотреть в окно. Так им, наверное, было интереснее. Клаус загнал поросят обратно, дал им еду и починил калитку. Он очень ругал их, потому что они нарушили его планы, и он чуть не опоздал из-за них на работу.

Другая история с поросятами произошла, когда Клаус с Клавой и ее подружками поехал отдыхать на Черное море. Он оставил подробные указания о том, как кормить кур, цыплят двух выводков и, конечно, поросят. На хозяйстве оставались Витины родители – Зоя и Женя, и еще бабушка Ёлка.

Однажды Зойка влетела в комнату, где Ёлка сидела в интернете. Витя болтался в «кенгуру» у мамы на животе. «Мама, посмотри в огород!»

Бабушка посмотрела в огород. Там энергично рыли землю оба поросенка и им помогали почти все куры. Как они там очутились? Но раздумывать было некогда. Зойка с Витей кинулась во двор, подхватив какую-то палку. Бабушка Ёлка схватила лопату. Время терять было нельзя. Витя громко плакал в «кенгуру».

Ёлка лопатой плашмя огрела бедовых свинок по бокам и погнала обратно в хлев. Оказывается, досужие поросята вытолкнули свое корыто из загончика, подрыли образовавшееся отверстие в заборе и вылезли вслед за корытом во двор. Мало того, они разворотили куриную и цыплячью загородки, и куры с цыплятами в панике метались в свином хлеву, не считая тех, что теперь гуляли по огороду.

Зоя с болтающимся в «кенгуру» Витьком разобралась с курами, выгнав их из хлева, Ёлка затолкала поросят в загон и вернула корыто на место. Дальше оставалось совсем немного – распределить десяток кур с петухом и два десятка с хвостиком цыплят по их загонам. Вечером Женя, Витин папа, вернувшись с работы, починял загоны и проклинал поросят и заодно деда Клауса с его хозяйственным энтузиазмом.

Три цыпленка

Вы, наверное, не поверите, если вам рассказать, что один крохотный цыпленок чуть не уморил до смерти двух здоровенных дяденек и расстроил все их планы на вечер. Но, тем не менее, так все и произошло.

Двадцать цыплят подросли, а потом дед Клаус по случаю зачем-то купил еще трех, поменьше. И эти цыплята подросли и стали гулять на общем дворе. И еще они очень легко могли выбраться со двора, ведь их маленький размер позво-

лял им воспользоваться любой щелкой. Поэтому они выбирали для своих прогулок и поисков съедобного то свой огород, то огород соседей – дяди Андрея и тети Оли. Гуляли они всегда вдвоем и были неразлучны. Что было однажды, когда один из цыплят застрял в куче дров под забором! Он пищал громко и отчаянно, пока его братцы, а, может, сестрицы, метались рядом. Потом он выбрался, и они продолжили прогулку.

Вечером их загоняли на ночлег. Первое время их удавалось ловить и относить в ясли. Потом они подросли и перестали даваться в руки.

Однажды Клаус и Ёлка в очередной раз загоняли цыплят на ночлег, и один цыпленок нырнул в какую-то щель в заборе, раз – и оказался у дяди Андрея. Ёлка крикнула: «Андрей, помоги поймать цыпленка!»

И дядя Андрей пошел в угол сада, куда отправился беглец. Вот уже цыпленок почти в руках, и вдруг он исчез. Бедный цыпленок! – он провалился в срез вертикально торчащей из земли трубы, которую сосед на днях спилил, чтобы она не мешала ему строить дом. А труба эта раньше служила опорой ограды и была вкопана в землю более, чем на метр, мало того, еще и забетонирована на совесть.

Вечерело, злополучное «цыпля» слабо шевелилось в тесноте просвета трубы где-то очень глубоко. Люди начали совещаться, как быть. Попробовали сначала достать его рукой. Некоторые руки туда даже не помещались, самые худые

из присутствующих погружались в просвет трубы чуть выше локтя. Позвали соседскую девочку с очень худенькими ручками, но даже она, сунув туда руку по самое плечо, не смогла достать цыпленка. Стало ясно, что придется применять технические средства и смекалку. Из средств под руками нашлась веревка, длинный прут и проволока. Цыпленку предлагали подняться по палочке, прицепиться к веревочке, пытались зацепить его проволоочной петлей. Удалось вытащить только парочку мелких земляных лягушек, которых в этом году уродилось великое множество. В общем, ничего не получалось. В трубе было тихо и темно.

Тогда дядя Андрей предложил сделать из веревочки петлю. Может, цыпленок сунет туда шею и его удастся подсесть. На это Ёлка ядовито заметила, что после такого способа извлечения останется только тело предать земле. Попробовали все же и так, но цыпленок решил, видимо, подороже продать свою жизнь или вовсе уже помер.

Мужики посмотрели друг на друга.

– Ну, что, будем копать? – сказал Клаус.

Дядя Андрей покрутил носом с досады, крикнул и начал копать. Копали по очереди. Представьте себе, каково это выкопать ямищу метра полтора в глубину, да еще обкопать бетонный комель трубы, да еще в тесном углу между стеной дома и оградой. Трубу едва выворотили наружу, чуть пупки не надорвали. Лежит труба на земле ровнехонько, цыпленка зовут ласково Ёлка и тетя Оля. Мужики дух переводят и пот

утирают со своих синих от натуги физиономий. Цыпленок не выходит и даже не шевелится. Мужики снова переглянулись.

– Будем вытряхивать? – предложил находчивый Клаус.

Сосед ответил угрюмым взглядом, но он не привык отступать на полпути. Взялись Клаус и дядя Андрей за бетонный комель и давай его поднимать и переворачивать трубу потихоньку, чтобы ненароком не раздавить птенца, а он не вытряхивается. Прицепился там, что ли, к чему-то. Ёлка и тетя Оля стали стучать по стенке. Тут цыпленок и вывалился. Тетя Оля ловкохватила его из-под трубы. А мужики, наконец, отпустили ее дрожащими от усталости руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.